

В репортажах в "Пророке" сообщалось об исчезновении волшебников за последние несколько недель, и лишь некоторые появлялись вновь. Магловские газеты тоже писали о необычных событиях, которые не поддавались объяснению, но давали мне множество намеков на действия Пожирателей смерти.

Все это подтверждало необходимость моих действий. Я не стала готовиться слишком рано. Особенно в таких ситуациях мне часто приходилось думать о Гарри или Роне, и о том, что они точно не подготовились и наслаждались своими каникулами, в случае Рона, а Гарри, что ж, ему бы досаждали родственники из-за подстрижки того или иного куста в саду его вредной тетки.

Я написала письма и Рону, и Гарри. Вместе с Роном я послала Гарри шоколад на его пятнадцатый день рождения. В своих письмах я пыталась утешить Гарри тем, как ужасна смерть Седрика на его глазах, но я не верила, что это сильно помогло, потому что у меня самой было разбито сердце.

Я не знала, как мне замотивировать обоих на большее, не просто узнать больше, а увидеть больше, услышать больше. Я не знаю, как просто посмотреть на все это, гораздо серьезнее, потому что я не могла сделать больше, чем уже сделала.

Моим желанием было, чтобы они выросли и побыстрее! Я знала, что Гарри было нелегко, и он цеплялся за лицемерную юность, учитывая, что у него никогда не было счастливого детства.

Я лишь надеялась, что ему не снится слишком много кошмаров и он сумел отстраниться от этого. Хотя я знала, что он до сих пор винит себя за то, что Петтигрю сбежал на третьем курсе, а значит, имел возможность убить Седрика, когда они оба прилетели на кладбище, но такова была судьба, и, к сожалению, я слишком хорошо знала Гарри. Он просто полностью утонул в жалости к себе.

Я просто надеялась на лучшее для Гарри, а сама старалась сосредоточиться на поставленных передо мной задачах.

Начиная с третьей недели каникул я усиленно занималась темой окклюденции и легилименции. Эта тема интересовала меня с самого начала, но когда я поняла, какие усилия стоят за постижением этих дисциплин, я отодвинула ее от себя. Но сейчас она казалась мне важной. При мысли о том, что Пожирателю смерти удалось пробраться в Хогвартс почти на год, мне стало плохо!

Какую информацию он мог бы получить, будь он более сильным в магическом плане. Поэтому я хотела не только защитить себя, но и подготовиться к нападению. Я получила всю информацию, чтобы иметь возможность справиться с первичной окклюденцией, потому что я поставила защиту здесь на первый план, что в итоге оказалось очень трудоемким. В моей книге было написано:

"Окклюденция (лат. occultare = скрывать и mens = мысль, дух) - это магическое искусство, с помощью которого человек способен оградить себя от мыслей и эмоций других людей.

Тот, кто владеет этим искусством, может держать свои истинные взгляды и чувства в тайне даже от тех, кто пытается увидеть его и повлиять на него с помощью мощных магических средств.

Как и в случае с защитой от проклятия Империи, здесь требуется большая сила воли: только собственная воля может помешать другим увидеть ваши собственные чувства, печальные, счастливые или обидные переживания.

Окклюденцию легко разрушить, когда потенциальный окклюдент не может полностью сосредоточиться на тайне своих мыслей и чувств. Он более уязвим, когда злитесь или его отвлекают другие сильные эмоции. Если он устал, его противнику легко играть, потому что его продвижение не вызывает особого сопротивления.

Никакая активная окклюенция не может быть использована для защиты мира мыслей ночью от инородных захватчиков. Поэтому полезно всегда сознательно опустошать собственную голову перед сном".

Что ж, раз воля должна быть на первом месте, и я считала, что у меня достаточно силы воли, иначе я бы давно отказалась от своего жесткого распорядка. Я была уверена, что Снейп и Дамблдор овладели этим искусством, и не удивилась бы, если бы они часто им пользовались. Я должна была вооружиться против легиллеменции, потому что мне бы не понравилось, если бы они так просто разнюхивали мои тайные мысли.

Это могло привести к последствиям, с которыми я не была готова смириться. Чтобы достичь этого искусства - закрывать свой разум, - нужно было научиться медитировать. Для такого беспокойного ума, как мой, это было не самым простым занятием, но я снова взялась за дело и начала медитировать каждый день, практикуя, как это было описано в книге, опустошение ума перед самым сном.

Скоро мои родители уезжали на юг Франции на свой почти четырехнедельный отпуск в конце недели и возвращались только незадолго до начала занятий.

Чтобы избежать всего этого, так как каникулы не очень вписывались в мой распорядок дня, я по просьбе родителей в начале первой недели каникул связалась с Уизли и Дамблдором и объяснила им, что родители уезжают, а я остаюсь здесь.

Профессор Дамблдор сказал, что это не проблема, у него есть для меня место, так как я не могу быть одна в это время. Я представляла себе это иначе, но это все равно не помешало мне осуществить задуманное, может быть, даже усложнило задачу, но я справлюсь. Я была очень оптимистична.

Иначе было бы неинтересно, если бы все было слишком легко! И тут мой цинизм вернулся.

Итак, воскресным утром я села в наш BMW, и родители отвезли меня в особняк Блэков на Гриммо. В письме от профессора Дамблдора было написано, что он будет ждать меня в 10 утра в парке перед площадью Гриммо. Отец помог мне с багажом.

"Может, мы подождем, дорогая?" - услышала я голос мамы с заднего сиденья машины.

"Нет, мам, все в порядке. Меня встретят. Поезжайте. Не то ты опоздаешь на самолет!" - воскликнула я.

"Правда, дорогая, но мы бы хотели подождать!", - сказала она.

"Я знаю, мама. Но мне не придется ждать здесь долго, и я знаю, как сильно ты ждешь оказаться в Париже. Просто поезжайте", - улыбнулась я ей, расслабившись.

А папа просто без слов обнял меня и прошептал: "Следи за собой, малышка! Мы тебя любим!" Он поцеловал меня в щеку.

"Я тоже тебя люблю. Скоро увидимся, и хороших каникул!" Я наклонилась к окнам маминой машины.

"Наслаждайтесь! До скорой встречи!" Я помахала ей на прощание, машина уже тронулась, и вот мои родители уехали на свои каникулы, даже не подозревая, что оставят свою дочь на произвол судьбы. Я оглядела окрестности.

Позади меня был огороженный типичный английский городской парк со старыми деревьями и зеленым лугом. На другой стороне улицы стояли обычные английские отдельно стоящие дома из красного кирпича, большие и солидные. Едва уловимый, тихий чмокающий звук рядом со мной, который я восприняла только потому, что тренировалась как сумасшедшая, чтобы добиться чего-то подобного, вырвал меня из созерцания окружающей обстановки.

Ладно, признаю. До этого мне было еще очень далеко! Да, конечно, в отличие от этого аппарирования, я звучала, как осечка мотора, удовлетворительно!

Внутри у меня все заныло, как будто я откусила что-то очень горькое. Рядом мог оказаться кто угодно!

<http://tl.rulate.ru/book/100976/3468571>